

Тысячелетние корни славного русского рода: ростово-суздальские и московские тысяцкие

В процессе создания Древнерусского государства, как известно, весьма заметную роль сыграл скандинавский элемент. Военные предводители и их дружинники, предприимчивые купцы, священники и монахи, многие другие варяги, попадавшие на территорию Восточной Европы, оставались там навсегда и органично вливались в состав многоплеменного и разноязычного населения как Северной, так и Южной Руси. Процесс этот шел активно во второй половине IX - XI в. Имеющиеся в распоряжении историков письменные и иные источники позволяют в отдельных случаях проследить судьбы не только ближайших, но и отдаленных потомков обрусевших скандинавских выходцев.

На первое место здесь, конечно, следует поставить княжеский, а позднее и царский, род Рюриковичей, давший нашему Отечеству много славных государей. От него ведут свое начало различные титулованные и нетитулованные дворянские фамилии Российской империи. Отпрысков этого рода по мужской или женской линии можно отыскать ныне на всех обитаемых континентах Земли. Казалось бы, все основные моменты генеалогии Рюриковичей давно должны были быть изучены. Но в действительности тщательное и вполне объективное изучение истоков этого знаменитейшего рода стало возможным только в последние десятилетия, когда, благодаря прежде всего упорному труду отечественных археологов, открылись новые неоспоримые факты, касающиеся ранних скандинавско-восточнославянских контактов в Приладожье и Приильменье.

Существенную помощь здесь оказало и привлечение данных ономастики, в частности выявление круга бытования знакового династийного имени Рюрик (древнескандинавское Хрёрек, т.е. «Славный могуществом»)¹.

Генеалогию еще одного знатного рода скандинавского происхождения, давшего в XI - первой трети XIII в. целый ряд посадников Ладоге и Новгороду, удалось реконструировать совсем недавно². Предок всех этих посадников – Рёнгвальд, сын Ульва - выехал на Русь при князе Ярославе Мудром. Он доводился двоюродным братом Ингигерде (Ингигерд), жене Ярослава, и сначала правил, имея титул ярла, областью Гаутланд (Ёталанд) в Швеции.

Не менее высоким статусом обладал, судя по всему, знатный варяг Якун, согласно «Повести временных лет», приглашенный Ярославом Мудрым на Русь в 1024 г.³ Русский летописец именует его «князем варяжским». Позднее из Скандинавии к тому же Ярославу Мудрому прибыл племянник Якуна - Шимон, сын Африкана. Именно с этих трех имен начинается родословная скандинавско-русского семейства Шимоновичей, о деятельности которого повествуют не только летописи, но и другие письменные источники. К этому семейству, ставшему особенно влиятельным в Северо-Восточной Руси, восходят корни целого ряда знаменитых в истории нашего Отечества дворянских родов, и в частности Аксаковых.

Столь древняя и богатая крупными историческими личностями родословная, конечно, не могла не привлечь к себе внимание исследователей. Изучением ее занимались как профессиональные историки⁴, так и генеалоги-любители, в том числе и в буквальном смысле «кровно» (т.е. по прямому родству) заинтересованные в детальном рассмотрении данного сюжета⁵.

Среди первых встречались предельно осторожные гиперкритики, не считавшие возможным, из-за некоторой неполноты дошедшей до нас, увы, с лакунами средневековой поколенной росписи, говорить о едином родословном древе, восходящем к XI в. Даже теперь можно встретить абсолютного скептика, прямо-таки страшась (почти в духе «панического антинорманизма») допустить малейшую возможность наметить прямую линию преемственности между боярством Древней Руси и высшей знатью Московского государства⁶. Но всем им специалисты, использующие современную методику комплексного источниковедения, смогли представить такую аргументацию, с учетом которой непрерывное существование единой родословной «легенды» Шимоновичей, начавшей складываться в XI в. и переходившей затем, вплоть до ее первой официальной письменной фиксации в XVI в., из поколения в поколение, теперь не может быть подвергнуто сомнению⁷.

В феодальном обществе обладание необходимой генеалогической информацией имело для представителей «благородного сословия» большое значение. Сохранение и передача из поколения в поколение сведений об отдаленных, начиная с родоначальника, и более близких предках были зачастую очень важны для поддержания статуса их потомков и правопреемников, какого бы ранга феодалами они не являлись.

Среди родословных «легенд» древнерусских боярских родов в наиболее сохранном виде дошла до нас именно генеалогия Шимоновичей. Из этой устной семейной хроники, первоначальная основа которой дополнялась в течение нескольких столетий, в разное время и по разным поводам заимствовали отдельные сведения составители летописных сводов, авторы литературно обработанных повествований о чудесах и связанных с ними благочестивых деяниях богобоязненных вельмож (таковы «Слово о создании церкви Печерской», «Слово об оковании гроба преподобного Феодосия Печерского» и «Завещание ростовского тысяцкого Георгия Шимоновича», вошедшие позднее в состав «Киево-Печерского патерика» в редакции первой трети XIII в.), агиографы (ср.: «Житие преподобного Сергия Радонежского» Епифания Премудрого, 1417-1418 гг., и «Житие преподобной Евфросинии Суздальской» инока Григория, второй четверти XVI в.) и даже писатели-публицисты (см. «Историю о великом князе Московском» Андрея Курбского, 1573 г.)⁸.

Длительное непрерывное бытование этого развернутого генеалогического предания, опиравшегося на документальные материалы (завещания, ктиторские записи, синодики и др.), но существовавшего как единое целое только в устной форме (что обусловило естественное варьирование отдельных деталей и общего объема изложения в процессе «перманентного редактирования»), завершилось официальной фиксацией его в родословных книгах 40-х годов XVI - конца XVII в.⁹ Там генеалогия данного рода предстает в предельно сокращенном, конспективном варианте. Она излагается теперь согласно образцу, принятому для родословных книг как особого вида государственных делопроизводственных документов Российского царства.

В семейной хронике Шимоновичей за XI - XIII вв., реконструируемой на основе анализа содержащих отдельные ее фрагменты различных письменных источников, могут быть вычленены конкретные факты жизни и деятельности представителей знатного рода, надежно утвердившегося в среде древнерусского боярства. О первом по хронологии из этих фактов - прибытии на Русь «князя варяжского» Якуна - уже упоминалось выше.

Якун явился на зов Ярослава Мудрого в очень трудный для последнего момент. В

1024 г., когда Ярослав находился в Новгороде, его младший брат Мстислав Владимирович Храбрый, княживший до того в Тмутаракани, попытался захватить столичный Киев. Киевляне отказались принять Мстислава, и тогда он обосновался в Чернигове. Ярослав Владимирович стал готовиться к войне с братом. Но сначала ему пришлось усмирить волнения в Суздале. Чуть позже, вернувшись в Новгород, Ярослав «послал за море за варягами». При этом он, конечно, рассчитывал в первую очередь на помощь своего тестя - шведского короля Олава Шётконунга. И такая помощь вскоре последовала.

В Новгород прибыл значительный воинский контингент, состоявший из варягов. Во главе его стоял уже упоминавшийся выше «князь варяжский» Якун, явно представитель весьма знатного рода (надо думать, обладавший на родине титулом ярла – наследственного владельца значительной по размеру области). Среди окружающих он выделялся своей весьма импозантной внешностью. Всеобщее внимание привлекало его роскошное одеяние и особенно его златотканый плащ.

Соединив свои силы, киевский князь и варяжский предводитель выступили на юг, следуя по Днепровскому пути. Их встреча с ратью Мстислава Храброго произошла осенью 1024 г. у города Листвена на Черниговщине¹⁰. Ночное сражение закончилось полной победой младшего Владимировича. Ярослав и Якун были вынуждены спасаться бегством, при этом «князь варяжский» бросил свой столь приметный златотканый плащ. Путь их снова лежал в Новгород. Там Ярослав оставался вплоть до заключения с Мстиславом мирного соглашения, согласно которому они разделили Древнерусское государство пополам (границей их владений стал Днепр). А Якун сразу же отправился к себе на родину, где впоследствии и скончался.

О Якуне и его ближайшей родне повествуется в «Слове о создании церкви Печерской», которым открывается «Киево-Печерский патерик» (приводим соответствующий фрагмент в переводе на современный русский язык): «Был в земле Варяжской князь Африкан, брат Якуна Слепого, который лишился своего златотканного плаща, сражаясь на стороне Ярослава с лютым Мстиславом. У этого Африкана было два сына Фрианд и Шимон. И после смерти их отца Якун изгнал обоих братьев из их владений. И пришел Шимон к благоверному князю нашему Ярославу...»¹¹.

Автор «Слова о создании церкви Печерской», несомненно был знаком с информацией о Якуне, содержащейся в «Повести временных лет». Непосредственно из летописного рассказа заимствована характеристика последнего: «И бе Якун съ леп, и луда бе у него золотом истькана» (т.е. «И был Якун тот красив, и плащ у него был золотом выткан»), но при этом начальная часть ее оказалась по ошибке переосмыслена и превратилась в эпитет «Слепой».

Нуждаются в комментариях и все четыре личных имени, фигурирующие в приведенном выше пассаже из «Слова о создании церкви Печерской». Якун – древнерусская передача расхожего скандинавского имени Хакон. К сожалению, никого из известных ныне по письменным источникам скандинавов Хаконов, кто жил в 20-х годах XI в. и имел подходящий социальный статус, нельзя отождествить с неудачливым союзником Ярослава Мудрого. Все попытки такого рода, имевшие место, безусловно следует признать неубедительными: не подходят здесь ни ярл Хакон Эйрикссон из рода Сэмингов (племянник датского короля Кнута Могучего и его наместник в Норвегии), ни Анунд (Энунд) - Якоб Шведский из рода Инглингов (сын и наследник Олава Шётконунга, брат Ингигерды)¹².

Таинственный Фрианд (Фриянд) – скорее всего, вовсе не личное имя, а слегка искаженное древнескандинавское слово «фрианди» со значением «родич», «родственник»¹³. Шимон – ни что иное, как христианский антропоним Симон с диалектным изменением первого звука (данная фонетическая особенность позволила Ф.А.Брауну связать семью «князя варяжского» Якуна с областью Сёдерманланд в Швеции¹⁴). Имя Африкан тоже взято из святцев. Поэтому нет никакой надобности выискивать, и тем более реконструировать, для сравнения с ним какие-либо сходные по звучанию формы (типа Афреки - Офреки) в древнескандинавском ономастическом материале.

В «Слове о создании церкви Печерской» приводятся любопытные подробности о жизни Шимона Африкановича, его службе Рюриковичам и благочестивых деяниях¹⁵. Прибыв на Русь где-то ближе к концу княжения Ярослава Мудрого (умершего в 1054 г), Шимон стал главным сановником при одном из Ярославичей – Всеволоде (родившемся в 1030 г.). Как установил М.Ф.Мурьянов, проанализировав данные о культовых предметах, употреблявшихся в семье Африкана и Шимона, обоим названным варягам довелось какое-то время находиться в Средиземноморье, где они оба и приняли христианство¹⁶. Не приходится удивляться тому обстоятельству, что крещеный варяг Шимон, возможно бывавший и в Константинополе, оказался затем среди приближенных молодого князя Всеволода Ярославича, женатого на дочери византийского императора Константина IX Мономаха (царствовал в 1042-1055 гг.).

Дату рождения Шимона можно установить лишь приблизительно. Он был, наверное, старше Всеволода Ярославича, но не намного, и, следовательно, родился в 1020-х годах. На Русь же судьба занесла его в 1040-х годах или в самом начале 1050-х годов. Шимон верно служил своему князю, получившему от отца, Ярослава Мудрого (еще при жизни последнего), в удел Переяславль Южный. Под началом у него находилось до трех тысяч наемных варяжских воинов вместе с чадами и домочадцами, включая и католических священников.

В 1068 г. Шимон участвовал, в числе других русских воевод, в битве с половцами при Альте, где Ярославичи - Изяслав Киевский, Святослав Черниговский и Всеволод Переяславский - потерпели сокрушительное поражение. В благодарность за свое чудесное спасение от смерти в жестокой сече, он сделал богатый вклад в Киево-Печерский монастырь на построение в нем каменного храма. С этого времени Шимон, перешедший со всеми своими близкими и подчиненными из католичества в православие, стал руководствоваться наставлениями преподобных Антония и Феодосия Печерских. В дальнейшем его ктиторская помощь той же обители не прекращалась. Монастырский каменный храм Успения Пресвятой Богородицы, согласно летописным сообщениям, был заложен в 1073 г., завершен в 1077 г., освящен в 1089 г.¹⁷ Шимон, которого его русские восприемники от купели официально именовали Симоном¹⁸, позднее оказался первым похороненным в новопостроенном соборе, начавшем функционировать с 1089 г.

Как видно, еще при жизни Шимона-Симона обращенный вместе с ним в православие его юный сын Георгий¹⁹ после трехлетней болезни глаз, полностью лишившей его зрения, исцелился благодаря преподобному Феодосию Печерскому. Это событие произошло не ранее 1068 г., но и не позже 1074 г., когда скончался преподобный Феодосий.

Георгий (Юрий) Шимонович был одним из самых доверенных лиц Владимира Всеволодовича Мономаха, По данным «Киево-Печерского патерика», ему Мономах

поручил быть главным советником при сыне своем Юрии (прозванном впоследствии Долгоруким)²⁰, отправленном на княжение в Ростово-Суздальскую землю в 1108 г.²¹ Данное назначение Георгия Шимоновича вряд ли было случайным. Теперь об этом можно говорить с полной определенностью. К такому выводу приводят данные археологии и лингвистики.

Археологические раскопки в Суздале показали, что среди обитателей этого города где-то в третьей четверти XI в. появилась группа дружинников скандинавского происхождения.²² В то же время, как установил Б.А.Воронцов-Вельяминов, в топонимии Ростово-Суздальского края, и только там, встречаются названия поселений, производные от личного имени Шимон, уникального для древнерусского именослова. Таковы: два села с названием Шимоново на реке Малый Киржач, село Шимониха на дороге из Ростова в Суздаль, село Шимоново в 20 верстах к югу от Можайска²³. Все эти топонимические данные, взятые вместе, делают еще более убедительным предположение Б.А.Воронцова-Вельяминова о том, что Шимон был ростово-суздальским тысяцким и приобрел во вверенном ему крае земельные владения²⁴.

Правда, здесь следует сделать одно небольшое уточнение: наместничал он там не как воспитатель Владимира Мономаха, а как административное лицо, ответственное непосредственно перед отцом последнего - князем Всеволодом Ярославичем, которому с 1054 до 1093 г. принадлежало Ростовское княжество²⁵.

Георгий Шимонович официально именовался «ростовским тысяцким» (по главному центру княжества), но жил в Суздале²⁶. Он постарался сохранить связи с Киево-Печерским монастырем, возникшие у его семьи с конца 1060-х годов. Несомненно, не без его участия появился суздальский филиал знаменитой обители - Дмитриевский монастырь. Летопись под 1096 г. упоминает о «дворе монастырском Печерского монастыря» с церковью св. Дмитрия, как уцелевшем при сожжении врагами Суздаля²⁷. Составитель «Киево-Печерского патерика» свидетельствует о том, что Дмитриевский храм стал, согласно завещанию тысяцкого Георгия, родовой усыпальницей его потомков, вплоть до правнуков, живших в первой трети XIII в.²⁸ С территории бывшего Дмитриевского монастыря в Суздале происходит белокаменный саркофаг XII в., явно предназначавшийся для погребения в нем очень знатного лица. Предполагается, что в этом саркофаге был похоронен кто-то из членов семьи тысяцкого Георгия²⁹.

Однако Георгий Шимонович не ограничивался поддержанием ктиторских отношений с дочерней суздальской обителью. Он послал большое количество серебра и золота в Киев для украшения раки преподобного Феодосия. Ценнейший дар доставили по назначению подчиненный Георгию Шимоновичу боярин Василий и его спутники. Подробный рассказ о доставке сокровища содержится в «Слове об оковании гроба преподобного Феодосия Печерского», включенном в «Киево-Печерский патерик»³⁰. Краткое упоминание об этих событиях попало в летопись, где оно помещено под 1130 г.³¹

Сохранились сведения и о деятельности Георгия Шимоновича как военачальника. В 1120 г. он участвовал в победоносном походе Юрия Долгорукого на Волжскую Болгарию.³² Вместе с тем же князем и его союзниками-половцами ходил Георгий Шимонович в 1149 г. на Изяслава Мстиславича Киевского³³. Когда после этого Юрий Долгорукий занял престол в Киеве (его первое княжение там приходится на 1149-1151 гг.), он «тысяцкому своему Георгию, как отцу, передал в управление всю землю

Суздальскую»³⁴. Больше сведений о Георгии Шимоновиче не имеется, и, учитывая, что в самом конце 1140-х годов ему должно было быть уже под 80 лет, логично предположить: умер он около 1150 г. или несколько позднее.³⁵

О потомках Георгия Шимоновича в ближайших двух-трех поколениях почти ничего не известно. Составитель «Киево-Печерского патерика» самой ранней редакции ограничился указанием на то, что представители этой виднейшей боярской семьи продолжали жить в Суздале и оставались ктиторами тамошнего Дмитриевского монастыря вплоть до первой трети XIII в.³⁶ При этом дается лишь одно небольшое, но очень важное уточнение: в указанное время жили и действовали правнуки Георгия Шимоновича. К счастью, благодаря данным других источников, есть возможность хотя бы частично восполнить тот пробел в генеалогии Шимоновичей, который приходится на вторую половину XII и большую часть XIII в.

В «Житии преподобной Евфросинии Суздальской» упоминается один из потомков Шимона Африкановича - Мина Иванович, живший в первой трети XIII в.³⁷ Данное агиографическое сочинение написано иноком Спасо-Евфимьева монастыря в Суздале Григорием во второй четверти XVI в.³⁸, но несомненно опирается на более древние источники. Критический разбор содержащихся в нем сведений и объяснение возникших искажений анахронистического характера содержатся в работе Б.А.Воронцова-Вельяминова³⁹. Историческое ядро начальной части жития составляет рассказ о сватовстве богатейшего суздальского вельможи Мины Ивановича из рода Шимоновичей, возможно занимавшего пост тысяцкого, к юной дочери черниговского князя Михаила Всеволодовича - Феодулии (в дальнейшем - инокиня Евфимия). Пятнадцатилетняя княжна в 1227 г. прибыла к своему жениху в Суздаль, но уже не застала его в живых и сделалась монахиней местного Ризположенского монастыря.

Имя жениха княжны Феодулии сохранилось, по-видимому, и в суздальской топонимии. Древнее село Мининское (позднее - пустошь Минино селище) находилось в трех верстах к югу от Суздаля на Владимирской дороге⁴⁰. Оно упомянуто в «данной грамоте» 1453 г.⁴¹

В.Л.Янин одно время отождествлял Мину Ивановича с князем Святославом Мстиславичем, правнуком Юрия Долгорукого, и относил ему свинцовые вислые печати с изображением св. Мины (на одной стороне) и лично-родового княжеского знака (на другой стороне)⁴². Однако позднее он отказался от этой идеи в связи с пересмотром атрибуции соответствующего разряда сфрагистических памятников⁴³. Следует добавить, что упомянутые печати, судя по топографии их находок, явно принадлежат к атрибутам власти должностных лиц Новгородской феодальной республики, но никак не Суздальской земли.

Как точно подметил Б.А.Воронцов-Вельяминов, Мина Иванович жил в Суздале как раз в годы составления там «Киево-Печерского патерика», причем именно он и его близкие родичи могли быть информаторами составителя названного сборника, познакомив его со своими семейными преданиями и документами (в том числе с «Завещанием ростовского тысяцкого Георгия Шимоновича»)⁴⁴. Но, как нам представляется, есть возможность установить личность еще одного члена той же боярской семьи, тоже жившего в первой трети XIII в. и равным образом принадлежавшего к поколению правнуков Георгия Шимоновича.

Во всех сохранившихся родословных росписях потомков Шимона, переселившихся в последней трети XIII в. в Москву, содержатся имена родоначальников

- Шимона Африкановича и его сына Георгия (Юрия), а затем обнаруживается лакуна, как минимум, в одно-два поколения, и лишь потом снова следует непрерывная цепочка имен: Иван - Федор - Протасий и т.д.⁴⁵ Хронологический разрыв в стемме, смущавший многих исследователей, теперь уже сам по себе не вызывает удивления, будучи легко объяснимым в конкретном историческом контексте⁴⁶.

Официальная фиксация родословной «легенды» Шимоновичей-Протасьевичей состоялась впервые только в 40-х годах XVI в.⁴⁷ Уже тогда она фигурировала в явно сокращенном виде. Но придавать этому обстоятельству слишком большого значения не приходится. Ведь и в некоторых линиях потомства Рюрика имеются подчас весьма значительные лакуны. Достаточно напомнить в данной связи об удельных смоленских князьях - Ржевских, Фоминских, Березуйских – и их ближайших отпрысках, утративших в большинстве своем княжеский титул. При этом в «родословных легендах» таких отпочковавшихся от Рюрикова дома фамилий всегда сохранялась память о происхождении их от конкретных предков по прямой мужской линии, пусть и не прослеживаемая по всем поколениям. Схожая картина наблюдается и в поколенной росписи Редедичей (потомков побежденного в 1022 г. Мстиславом Тмутараканским касожского князя), тоже сумевших сначала пережить монгольское нашествие, а потом возвыситься при московском дворе.

Однако для нас крайне важно установить, сколь велика в действительности отмеченная лакуна в стемме Шимоновичей-Протасьевичей. Согласно их семейному родословцу и «Житию преподобного Сергия Радонежского» Епифания Премудрого, Протасий Федорович прибыл из Владимира в Москву вместе с князем Даниилом Александровичем и одновременно с целой группой других знатных выходцев из Ростово-Суздальской земли. Даниил Александрович родился в 1261 г. и стал править Московским княжеством где-то в 1270-х годах⁴⁸. Тогда же мог занять при нем пост тысяцкого Протасий. Следовательно, последний мог родиться не позднее 1250 г., скорее всего - в 1240-х годах. А значит, его отец, Федор Иванович, возможно, появился на свет довольно близко к рубежу XII-XIII вв.⁴⁹, то есть вполне годится Мине Ивановичу в младшие современники или даже в младшие братья⁵⁰.

В результате, казавшаяся непоправимо разорванной единая цепь поколений потомков «князя варяжского» Африкана вроде бы смыкается, и число ее звеньев наконец-то определяется более или менее достоверно, хотя одно из них (четвертое по счету) остается пока безымянным (см. генеалогическую таблицу).

Протасий Федорович, ставший основателем целой «династии» московских тысяцких⁵¹, носил, судя по всему, и другое имя - Вельямин (искаженное Вениамин)⁵², которое повторилось позже в его потомстве (так звался праправнук Протасия, он же дед Ивана Федоровича Аксака - непосредственного родоначальника Аксаковых). Он прожил долгую жизнь. Будучи первым сановником в княжеском окружении, Протасий пользовался авторитетом и среди иерархов церкви. Не случайно митрополит Петр незадолго до кончины (последовавшей 21 декабря 1326 г) назначил своим душеприказчиком этого вельможу⁵³. Выполняя последнюю волю покойного владыки, тот принял сразу же активное участие в церковном строительстве. Предполагается иногда, что Протасий завершил в 1340 г. постройку каменного собора в московском Богоявленском монастыре (ставшем позднее родовой усыпальницей его потомков), а умер около 1341 г.⁵⁴ Но достоверные сведения на сей счет отсутствуют и с полной уверенностью можно говорить лишь о том, что он был еще жив в 1327 г. Возможно

именно благодаря Протасию в Москве получил официальное покровительство и обрел популярность культ черниговских мучеников - святых страстотерпцев Михаила и Федора⁵⁵.

Анализ подмосковной топонимии, дополненный археологическими данными, позволяет составить представление об обширных земельных владениях Протасия и его потомков в XIV в.⁵⁶ К числу таковых относились не менее семи вотчин и еще целый ряд отдельных сел и деревень в разных уголках Московского княжества. В столице Протасьевичи также владели землей. Им принадлежал комплекс дворов внутри Московского Кремля, в его юго-восточной части - в районе Спасских и Тимофеевских ворот⁵⁷.

О деятельности ближайших потомков Протасия Федоровича на протяжении XIV в. писали многие историки⁵⁸. Эта тема уже разработана достаточно подробно (насколько позволяют наличествующие источники) и далее мы остановимся лишь на самых главных событиях семейной истории Протасьевичей в указанный период⁵⁹.

После смерти Протасия-Вельямина Федоровича его семья сохранила свое высокое положение при дворе московских князей. Сын его Василий Протасьевич был тысяцким при князе Симеоне Ивановиче Гордом (1340-1353 гг.). Судя по всему, он скончался, как и его государь, во время опустошительной эпидемии чумы 1353 г.

Представитель следующего поколения Протасьевичей-Вельяминовых, Василий Васильевич, занимал с 1357 г., при следующем московском князе - Иване Ивановиче Красном (1353-1359 гг.), тот же пост, что его отец и дед. В начальный период княжения Дмитрия Ивановича (будущего Донского), с 1359 по 1366 г., он вместе с митрополитом Алексием фактически управлял государством. Василий Васильевич скончался 17 сентября 1374 г. (как схимник Варсонофий) и был погребен в семейной усыпальнице в Богоявленском монастыре⁶⁰. Вдова его Мария (дочь видного московского боярина Михаила Александровича) в 1389 г. крестила княжича Константина, младшего сына Дмитрия Донского⁶¹.

Выдвигалась в разных вариантах гипотеза о том, что близость тысяцких Вельяминовых к московским князьям на протяжении всего XIV в. определялась, кроме всего прочего, еще и их тесными родственными связями с семьей Калиты. Сам князь Иван Данилович якобы был женат в первый раз на дочери Протасия Федоровича⁶².

На самом деле о первой жене Калиты достоверно известно лишь то, что звали ее Еленой и родила она четырех сыновей (Симеона - в 1317 г., Даниила - в 1319 г., Ивана - в 1326 г., Андрея - в 1327 г.), а умерла - в 1331 г. Наиболее правдоподобной является версия о том, что отцом ее был смоленский князь Александр Глебович⁶³.

Высказывалась и другая, на первый взгляд, более приемлемая, ввиду ее определенной аргументированности, догадка. Согласно ей, жена Ивана Ивановича Красного, княгиня Александра, приходилась дочерью тысяцкому Василию Протасьевичу. В пользу наличия таких традиционных (уже не в одном, а даже в двух подряд поколениях) прямых матримониальных связей московских князей с семьей Протасьевичей-Вельяминовых истолковывался тот факт, что Симеон Гордый и Иван Красный называли своих тысяцких, соответственно отца и сына, «дядями»⁶⁴. Однако, как разъяснил В.А.Кучкин, в указанных случаях «дядя» - это всего лишь почетное наименование старших бояр, бывших воспитателями своих государей⁶⁵.

Отметим вдобавок, что если бы тысяцкие Вельяминовы и Даниловичи Московские находились в столь близком родстве, как допускают авторы упомянутых гипотез (при

этом Симеон Гордый оказался бы по материнской линии внуком Протасия, а Дмитрий Донской - его правнуком), данное обстоятельство вряд ли ускользнуло бы от внимания местных летописцев (но те об этом молчат), и уж наверняка отразилось бы в семейном родословце Протасьевичей (там на сей счет тоже нет ни слова).

Летописные и иные свидетельства о первом по знатности боярском семействе Москвы XIV в. отмечают важнейшие вехи его насыщенной бурными событиями жизни. После смерти Василия Васильевича Вельяминова в 1374 г. новым тысяцким никто назначен не был. Но один из младших братьев покойного высшего сановника, Тимофей Васильевич, обладал званием окольного, имевшим тогда почти столь же большое значение. Он был не только крупным администратором (его имя фигурирует в документах 1371-1389 гг.), но и выдающимся военачальником⁶⁶. 11 августа 1378 г. Т.В.Вельяминов участвовал в сражении на Воже, где было наголову разгромлено ордынское войско. Двумя годами позже он был среди тех, кто вел русские полки на Куликово поле⁶⁷. Его единственный сын Семен умер бездетным.

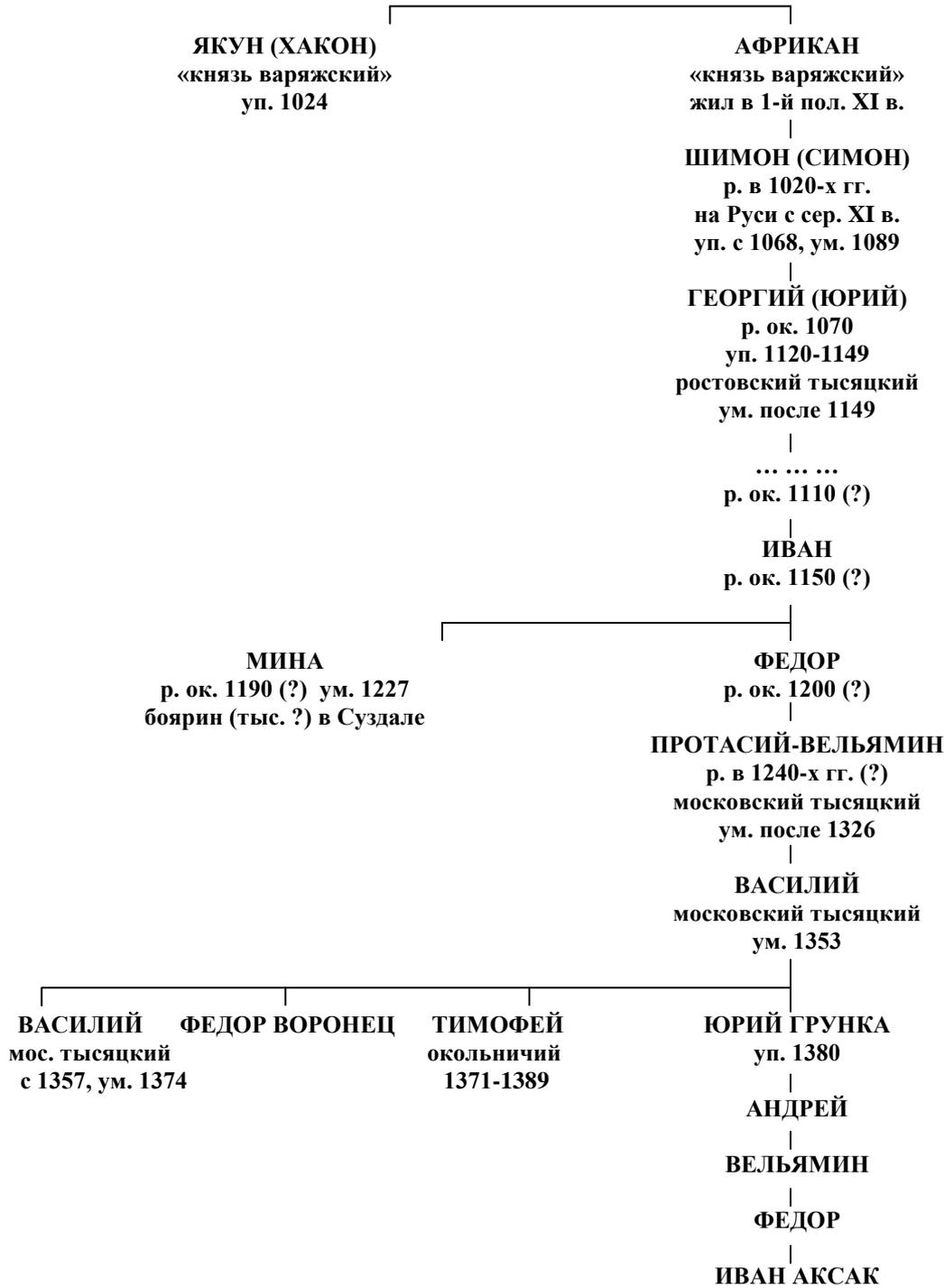
Племянники Тимофея, сыновья тысяцкого Василия Васильевича, оставили по себе разную память. Старший из них, Иван, недовольный утратой его семьей сана тысяцкого, на получение которого он рассчитывал, стал врагом московского князя (своего государя Дмитрия Ивановича, будущего Донского) и был им позднее казнен в Москве на Кучковом поле (30 августа 1379 г.). Потомки Ивана Васильевича оказались в опале и захудали.

Микула (Николай) Васильевич женился в 1366 г. на Марии, дочери князя Дмитрия Константиновича Суздальско-Нижегородского и стал, таким образом, свояком Дмитрия Донского (ведь последний тогда же обвенчался с другой дочерью того же князя – Евдокией Дмитриевной). Он был в 1370-х годах наместником в Коломне⁶⁸. Участвовал в качестве воеводы коломенского полка в Куликовской битве и погиб там (8 сентября 1380 г.).

Полуект (Полиевкт) Васильевич погиб по трагической случайности (упал с колокольни). Его дочь Евпраксия (в монашестве Евфросиния) вышла в 1406 г. замуж за князя Петра Дмитровского (сына Дмитрия Донского), умерла в 1467 г.

На службе у князей из дома Калиты успешно подвизались потомки двух братьев тысяцкого Василия Васильевича и окольного Тимофея Васильевича Вельяминовых - Федора Воронца и Юрия Грунки. Воронцовы сначала были боярами удельных князей. Но в первой половине XVI в. они возвысились при московском дворе и там прочно заняли место в Боярской думе⁶⁹.

Внуки и правнуки Юрия Грунки⁷⁰ опирались, как видно, на удельные связи. Они имели земельные владения в Дмитровском уделе⁷¹. Напомним, что Вельямин Андреевич, внук Юрия Васильевича Грунки, был троюродным братом Евпраксии Полуектовны, жены князя Петра Дмитриевича Дмитровского. Внуком Вельямину Андреевичу приходился Василий Федорович Вельяминов, боярин княжившего в Дмитрове в 1462-1472 гг. Юрия Васильевича, сына Василия II Темного. А младшим братом этого Василия Федоровича был живший в середине XV в. Иван Федорович Вельяминов, по прозвищу Аксак (тюркское «хромой», «хромец»). От него и пошли русские дворяне Аксаковы.

Примечания

¹ Молчанов А.А. Древнескандинавский антропонимический элемент в династической традиции рода Рюриковичей (О роли отдельных компонентов в полиэтнической основе формирования Древнерусского государства) // Образование Древнерусского государства: спорные проблемы. Чтения памяти В.Т.Пашуто. Москва, 13-15 апреля 1992 г. Тезисы докладов. М., 1992. С. 44-47; Пчелов Е.В. Генеалогия древнерусских князей IX - начала XI в. М., 2001, С. 68-96.

² Молчанов А.А. Скандинавские выходцы среди феодальной элиты Северной Руси (Потомки ярла Рёгнвальда Ульвссона в Ладоге и Новгороде) // XIII конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка Скандинавских стран и Финляндии. Петрозаводск, 10-15 сентября 1997 г. Тезисы докладов. М.; Петрозаводск, 1997. С. 136-138; Он же. Ярл Рёгнвальд Ульвссон и его потомки на Руси (О происхождении ладожско-новгородского посадничьего рода Роговичей-Гюрятиничей) // Памятники старины: Концепции. Открытия. Версии. Памяти Василия Дмитриевича Белецкого. СПб.; Псков, 1997. С. 80-84. Ср. также: Гиппиус А.А. «Суть людие новгородци от рода варяжьска...» (Опыт генеалогической реконструкции) // Восточная Европа в древности и средневековье. Генеалогия как форма исторической памяти. XIII Чтения памяти В.Т.Пашуто. Москва, 11-13 апреля 2001. Материалы конференции. М., 2001. С. 59-65; Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б. Выбор имени у русских князей в X-XVI вв. Династическая история сквозь призму антропониимии. М., 2006. С. 357-363.

³ Повесть временных лет. СПб., 1996. С. 65, 202.

⁴ В той или иной связи этой темы касались такие известные ученые как Н.П.Лихачев, Л.М.Савелов, А.А.Шахматов, И.Е.Забелин, С.Б.Веселовский, М.Е.Тихомиров, Д.С.Лихачев, Б.А.Романов, В.Т.Пашуто, А.А.Зимин, В.Л.Янин, В.Н.Бочков, В.Б.Кобрин, Ю.А.Лимонов, В.А.Кучкин, М.В.Седова, М.Е.Бычкова и другие.

Статьи о родах, ведущих свое происхождение от Шимона, включались в основные генеалогические справочники: Спиридов М.Г. Родословный российский словарь. Ч. I. М., 1793; Долгоруков П.В. Российская родословная книга. Ч. 4. СПб., 1857; Руммель В.В., Голубцов В.В. Родословный сборник русских дворянских фамилий. Т. I. СПб., 1886.

⁵ Воронцов-Вельяминов С.И. Род дворян Воронцовых-Вельяминовых. Тула, 1903; Воронцов-Вельяминов Б.А. К истории ростово-суздальских и московских тысяцких // История и генеалогия. С.Б.Веселовский и проблемы историко-генеалогических исследований. М., 1977. С. 124-139; Он же. Отмена института тысяцких и судьба Протасьевичей // Вопросы истории. 1981. № 7. С. 167-170; Он же. От варягов к строителям коммунизма. Рукопись. М., 1955. В четырех частях. Хранится в Рукописном отделе Российской государственной библиотеки (фонд 773); Вельяминов Г.М. Род Вельяминовых, 1027-1997. М., 1997. Отметим попутно, что некоторые работы современных генеалогов-любителей, затрагивающие интересующую нас тему, увы, пестрят ошибками и домыслами (см., например: Кюнтцель В.В. Тысяцкие // Московский журнал. 1995. № 9 С. 24-28).

⁶ Беляев Л.А. Древние монастыри Москвы (конец XIII - начало XV в.) по данным археологии. М., 1994. С. 238. Прим. 104.

⁷ Бочков В.Н. «Легенды» о выезде дворянских родов // Археографический ежегодник за 1969 год. М., 1971. С. 78; Бычкова М.Е. Родословные книги XVI-XVII вв. как исторический источник. М., 1975. С. 138-142; Воронцов-Вельяминов Б.А. К истории... С. 134-139; Молчанов А.А. История древнерусского боярства в генеалогических источниках (Ростово-суздальские и московские тысяцкие Шимоновичи-Протасьевичи в XI-XIV вв.) // Восточная Европа в древности и средневековье. Проблемы источниковедения. Чтения памяти В.Т.Пашуто. Москва, 18—20 апреля 1990 г. Тезисы докладов. М., 1990. С. 79-83; Он же. Рецензия на книгу: Беляев Л.А. Древние монастыри Москвы (конец XIII - начало XV в.) по данным археологии. М., 1994 // Славяноведение. 1999. № 2, С. 107, 108; Он же. Варяжско-русский род Шимоновичей в XI - первой половине XIV в.: генеалогическая фикция или историческая реальность? // XIV конференция по изучению Скандинавских стран и Финляндии. Тезисы докладов. М.; Архангельск, 2001. С. 103, 104; Пчелов В.В. Генеалогическое предание о Шимоне Африкановиче в ряду легенд о скандинавских предках русского дворянства // 850-летию Москвы и 700-летию Московского Градоначальства посвящается. Материалы Юбилейной научно-общественной конференции «Первые московские градоначальники и московское боярство: традиции и современность». Москва, февраль 1998 года. М., 1998. С. 58, 60, 61.

⁸ Сочинения князя Курбского. Т. 1 // Русская историческая библиотека. Т. XXXI. СПб., 1914.

Стлб. 167.

⁹ Бычкова М.Е. Родословные книги ... С. 19, 36-38, 65, 66, 95, 111, 120.

¹⁰ Коваленко В.П., Шекун А.В. Летописный Листвен (К вопросу о локализации) // Советская археология. 1984. № 4. С. 62-74.

¹¹ Древнерусские патерики. Киево-Печерский патерик. Волоколамский патерик. М., 1999. С. 7 (древнерусский текст), 109 (перевод).

¹² Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. I (Т. 1-2). М., 1959. С. 214, 215, 323 (Прим. 314); Воронцов-Вельяминов Б.А. К истории... С.125, 126. Ср. при этом, например: Пашуто В. Т. Внешняя политика Древней Руси. М., 1968. С. 27-29; Повесть временных лет. С. 479 (с механическими повторениями в комментариях ошибочного мнения). Гипотезу о тождестве Якуна с Хаконом Эйрикссоном продолжает отстаивать О.Прицак (Pritsak O. The Origin of Rus'. Cambridge; Mass., 1981. Vol. 1. P. 404-423), хотя она не только не находит опоры в известных фактах биографии норвежского ярла, но и самым очевидным образом противоречит им (Снорри Стурлусон. Круг Земной. М., 1980. С. 153, 177, 179-181, 279, 280, 282, 308, 309, 319, 320, 326, 331, 332, 335-339, 356).

¹³ Браун Ф.А. Фрианд и Шимон, сыновья варяжского князя Африкана // Известия Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. Т. VI. Кн. 1, СПб., 1902. С. 359-365; Рыдзевская Е.А. К варяжскому вопросу. Местные названия скандинавского происхождения в связи с вопросом о варягах на Руси // Известия Академии наук СССР. VII серия. Отделение общественных наук. Л., 1934. № 8. С. 621, 622.

¹⁴ Браун Ф.А. Указ. соч. С. 360.

¹⁵ Древнерусские патерики. С. 7-10, 109-112.

¹⁶ Мурьянов М.Ф. Золотой пояс Шимона // Византия, Южные славяне и Древняя Русь. Западная Европа. Искусство и культура. Сборник статей в честь В.Н.Лазарева. М., 1973. С. 188-198. Исследователь даже допускает рождение Африкана «от смешанного средиземноморско-скандинавского брака». Однако для получения при крещении такого личного имени достаточно было просто находиться в тот момент где-то на юге Европы.

¹⁷ Раппопорт П.А. Русская архитектура X-XIII вв. Каталог памятников // Археология СССР. Свод археологических источников. Вып. Е1-47. Л., 1982. С. 23.

¹⁸ Попытки сблизить по созвучию это имя с древнескандинавскими антропонимами типа Сигмунд или Семунд (ср., например: Вельяминов Г.М. Род Вельяминовых... С. 9) теперь окончательно потеряли всякий смысл.

¹⁹ Свое имя он получил, надо думать, в память о князе Ярославе Мудром (в крещении – Георгии), который приютил и облагодетельствовал изгнанного с родины Шимона. О том, по какому принципу осуществлялось в конце X - XI в. имянаречение у князей Рюриковичей и их ближайшего окружения см.: Молчанов А.А. Семейный именовослов в автобиографии Владимира Мономаха (К вопросу о путях усвоения князьями Рюриковичами христианских имен) // Восточная Европа в древности и средневековье. Автор и его текст. XV Чтения памяти В.Т.Пашуто. Москва, 15-17 апреля 2003 г. Материалы конференции. М., 2003. С. 178-183; Он же. Владимир Мономах и его имена (К изучению княжеского именовника Рюриковичей X-XII веков) // Славяноведение. 2004. № 2. С. 80-87.

²⁰ Древнерусские патерики. С. 10, 112.

²¹ Кучкин В.А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X-XIV вв. М., 1984. С. 72. Другие исследователи обычно относили начало княжения Юрия Долгорукого в Ростово-Суздальской земле к 1095-1097 гг. Ср., например: Воронцов-Вельяминов Б.А. К истории... С. 130; Лимонов Ю.А. Владимиро-Суздальская Русь. Очерки социально-политической истории. Л., 1987. С. 20.

²² Седова М.В. Скандинавские древности Суздаля и его округа // XIII конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка Скандинавских стран и Финляндии. Петрозаводск, 10-14 сентября 1997 г. Тезисы докладов. М.; Петрозаводск, 1997. С. 178-180; Она же. Суздаль в X-XV веках. М., 1997. С. 77-96. См. также: Мельникова Е.А. Скандинавские рунические надписи. Новые находки и интерпретации. Тексты, перевод, комментарий. М., 2001. С. 253-256.

²³ Воронцов-Вельяминов Б.А. К истории... С. 129, 134. Это наблюдение было по справедливости высоко оценено историками (ср., например: Свердлов М.Б. Генезис и структура феодального общества в Древней Руси. Л., 1983. С. 118. Прим. 56)

²⁴ Воронцов-Вельяминов Б.А. К истории... С. 129.

- ²⁵ Кучкин В.А. Формирование... С. 60-67.
- ²⁶ Насонов А.Н. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. М., 1951. С. 176, 177; Кучкин В.А. Формирование... С. 73.
- ²⁷ Повесть временных лет. С. 109, 247.
- ²⁸ Древнерусские патерики. С. 12, 114. По мнению Ю.А.Лимонова, «Завещание Георгия Шимоновича», сохранившееся в «Киево-Печерском патерике», входило в состав «Старого ростовского летописца» (Лимонов Ю.А. Летописание Владимиро-Суздальской Руси. Л., 1967. С. 185, 186).
- ²⁹ Седова М.В. Суздаль... С. 139.
- ³⁰ Древнерусские патерики. С. 10, 11, 112, 113.
- ³¹ Полное собрание русских летописей. Т. II. СПб., 1908. Стлб. 293 («...Георгий ростовский тысяцкий оковал гроб Феодосия, игумена Печерского...»).
- ³² Полное собрание русских летописей. Т. XV. СПб., 1863. Стлб. 193. Это сообщение «Тверского сборника» восходит, как полагает Ю.А.Лимонов, к древнейшему местному летописанию (Лимонов А.А. Владимиро-Суздальская Русь. С. 21).
- ³³ Древнерусские патерики. С. 11, 12, 113, 114.
- ³⁴ Там же. С. 10, 112.
- ³⁵ Таким образом, нет необходимости отодвигать дату смерти Георгия Шимоновича за 1157 г. (см.: Воронцов-Вельяминов Б.А. К истории... С. 132, 139).
- ³⁶ Древнерусские патерики. С. 12, 114 («...правнуки Симона испытывают любовь к храму Святого Дмитрия и имеют место свое в нем.»).
- ³⁷ Житие пр. Евфросинии Суздальской по списку XVII века, изданное В.Георгиевским // Труды Владимирской ученой архивной комиссии. Кн. 1. Владимир, 1899. С. 88, 89.
- ³⁸ Ключевский В.О. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871. С. 283-286.
- ³⁹ Воронцов-Вельяминов Б.А. К истории... С. 135-138.
- ⁴⁰ Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца X - начала XVI в. Т. 3. М., 1964; Янин В.Л. Актовые печати Древней Руси X - XV вв. Т. 1. Печати X - начала XIII в. М., 1970. С. 144.
- ⁴¹ Кучкин В.А. «Данная» черницы Марины // Исторические записки. Вып. 108. М., 1982. С. 306. Ранее она ошибочно датировалась XIII веком (ср., например: Янин В.Л. Актовые печати... Т. 1. С. 144; Воронцов-Вельяминов Б.А. К истории... С. 138).
- ⁴² Янин В.Л. Княжеские знаки суздальских Рюриковичей // Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР. Вып. 62. М., 1956. С.3-16.
- ⁴³ Янин В.Л. Актовые печати... Т. 1 С. 141-146, 217-221. Об иных вариантах определения печатей с изображением св. Мины (№ 298 по Корпусу древнерусских булл) и подобных им см.: Молчанов А.А. Новгородские посадничьи печати с изображением княжеских знаков // Проблемы истории СССР. Сб. IV. М., 1974. С. 19-32; Он же. Знаки княжеской собственности в политико-административной и хозяйственной жизни Древней Руси. Автореф. дис. ... канд. истор. наук. М., 1976. С. 14-16; Он же. О четырех новгородских посадничьих печатях XII в. // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. XII. Л., 1981. С. 213-219; Он же. Об атрибуции лично-родовых знаков князей Рюриковичей X-XIII вв. // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. XVI. Л., 1985. С. 66-83; Он же. Рецензия: Янин В.Л., Гайдуков П.Г. Актовые печати Древней Руси X-XV вв. Т. III. Печати, зарегистрированные в 1970-1996 гг. М., 1998 // Российская археология. 2000. № 2. С. 194; Белецкий С.В. Введение в русскую допетровскую сфрагистику // Исследования и музеефикация древностей Северо-Запада. Вып. 4. СПб., 2001. С. 64-66.
- ⁴⁴ Воронцов-Вельяминов Б.А. К истории... С. 137-139.
- ⁴⁵ Бычкова М.Е. Родословные книги... С. 138-142.
- ⁴⁶ Воронцов-Вельяминов Б.А. К истории... С. 132; Молчанов А.А. Варяжско-русский род Шимоновичей... С. 103, 104.
- ⁴⁷ Бычкова М.Е. Родословные книги... С. 19. О предпринятой в XVII в. неудачной попытке некоторых дворянских родов приписаться к потомству Шимона см.: Морозов Б.Н. Родословная роспись Чихачёвых, Горсткиных, Линеваых, Ершовых, Сомовых, Окуневых с уникальными известиями XIV-XV вв. // Историческая генеалогия. № 2. 1993. С. 42, 43; № 4. 1994. С. 14-19.

⁴⁸ Кучкин В.А. Формирование... С. 118, 119; Он же. Первый московский князь Даниил Александрович // Отечественная история. 1995. № 1. С. 93, 95; Борисов Н.С. Иван Калита. М., 1995. С. 14.

⁴⁹ Никакими точными биографическими данными о нем мы не располагаем. Поэтому совершенно непонятно, на каком основании М.И.Смирнов именуется Федора Ивановича «тысяцким и боярином великого князя московского» (Предки А.С.Пушкина. М., 1999. С. 38. № 196). К сожалению, составленная и опубликованная названным выше генеалогом поколенная роспись предков нашего величайшего поэта содержит много грубых ошибок и вопиющих небрежностей. В равной степени не повезло тут предкам классика и по прямой мужской, и по женским линиям, в том числе и по линии Шимоновичей-Протасьевичей (Там же. С. 41, 44, 48, 52. № 216, 244, 275, 304). Среди перлов, «украшающих» данную роспись, наиболее причудливы: «Иван Юрьевич, боярин новгородский» (сын Георгия Шимоновича! - А.М.) и «Африкан Олафович» (№ 216 и 304).

⁵⁰ Молчанов А.А. История древнерусского боярства... С. 83.

⁵¹ Тихомиров М.Н. Средневековая Москва в XIV-XV веках. М., 1957. С. 170-174. Ср., также: Кучкин В.А. Институт тысяцких в средневековой Руси // Восточная Европа в древности и средневековье. Спорные проблемы истории. Чтения памяти В.Т.Пашуто. Москва, 12-14 апреля 1993 г. Тезисы докладов. М., 1993. С. 46-48.

⁵² Веселовский С.Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969. С. 21, 212. От Протасия-Вельямина и его потомков по прямой мужской линии пошли русские дворянские роды Вельяминовых, Воронцовых, Воронцовых-Вельяминовых, Аксаковых, Аблязовых, Башмаковых, Исленьевых, Соловцовых.

⁵³ Седова Р.А. Святитель Петр митрополит Московский в литературе и искусстве Древней Руси. М., 1993, С. 25; Борисов Н.С. Русская церковь в политической борьбе XIV-XV веков. М., 1986. С. 60, 75. Прим. 37; Он же. Иван Калита. М., 1995. С. 200.

⁵⁴ Более чем сомнительна попытка отодвинуть смерть тысяцкого Протасия аж к рубежу 40-х-50-х годов XIV в. (Юшко А.А. Феодальное землевладение Московской земли XIV века. М., 2003. С. 78).

⁵⁵ Молчанов А.А. Культ святых мучеников черниговских Михаила и Федора в средневековой Москве (К вопросу о времени и путях проникновения) // Святой князь Михайло Чернігівський та його доба // Матеріали церковно-історичної конференції (Чернігів, 1-3 жовтня 1996 р.). Чернігів, 1996. С. 23-26.

⁵⁶ Веселовский С.Б. Исследования... С. 219-223; Воронцов-Вельяминов Б.А. К истории... С. 134; Кучкин В.А. Формирование... С. 241; Юшко А.А. Из истории феодального землевладения Московской земли XIV в. (землевладение Воронцовых-Вельяминовых) // Российская археология. 2001, № 1, С. 45-55; Она же, Феодальное землевладение... С. 78-100.

⁵⁷ Забелин И.Е. История города Москвы, Ч. I. М., 1905. С. 138, 442-445, 616-618, 621; Тихомиров М.Н. Средневековая Москва... С. 168; Бычкова М.Е. Состав класса феодалов России в XVI в. Историко-генеалогическое исследование. М., 1986. С. 97, 100; Беляев Л.А. Древние монастыри Москвы... С. 235. Прим. 88. С. 236. Прим. 89; Кучкин В.А. Автограф сподвижника Дмитрия Донского // Родина. 1995. № 2. С. 23-26; Он же. Документы кремлевской находки 1853 г. - часть архива XIV в. московских бояр Вельяминовых // 850-летию Москвы... С. 21-30.

⁵⁸ Из последних работ см., например: Сахаров И.В. Род московских тысяцких и его историки // 850-летию Москвы... С. 11-20; Кучкин В.А. Документы... С. 21-30; Вельяминов Г.М. Семья московских тысяцких в эпоху Куликовской битвы // 850-летию Москвы... С.31-38; Аверьянов К.М. Вельяминовы и их роль в истории Москвы XIV в. // Там же. С. 67-69.

⁵⁹ Помимо классического труда С.Б.Веселовского (Веселовский С.Б. Исследования... С. 211-230), важнейшим исследованием по генеалогии потомков Протасия является посвященный им раздел главы «Древнейшие боярские роды» в известной монографии А.А.Зимины (Зимин А.А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV - первой трети XVI в. С. 157-161, 201-203).

⁶⁰ Беляев Л.А. Указ. соч. С. 85 -89, 236. Прим. 90 (в летописях под 6882 г. «от сотворения мира»).

⁶¹ Гипотеза, согласно которой боярыня Мария Голтеева являлась дочерью последнего московского тысяцкого Василия Васильевича Вельяминова (Забелин И.Е. Указ. соч. С. 445; Вельяминов Г.М. Род Вельяминовых... С. 15), теперь справедливо отвергается (Беляев Л.А. Указ. соч. С. 235. Прим. 88).

⁶² Кюнтцель В.В. Тысяцкие. С. 25; Он же. Первые великие княгини московские // Дворянское собрание. № 9. М., 1998. С. 76-78 (Там же, на С. 70-72, совершенно безосновательно предполагается, что супругой князя Даниила Александровича могла быть другая родственница первого московского тысяцкого).

⁶³ Аверьянов К.А. Московское княжество Ивана Калиты (Присоединение Коломны. Приобретение Можайска). М., 1994. С. 36.

⁶⁴ Лоциц Ю.М. Дмитрий Донской. М., 1980. С. 12-14; Кюнтцель В.В. Тысяцкие. С. 25; Он же. Первые великие княгини московские. С.83-85; Вельяминов Г.М. Род Вельяминовых... С. 12; Пчелов Е.В. Рюриковичи. История династии. М., 2001. С. 301. Высказанное в более общем виде предположение Л.В.Черепнина о кровном родстве семьи Протасьевичей с московскими князьями аргументировано отвергли М.Н.Тихомиров и В.А.Кучкин (ср.: Черепнин Л.В. Русские феодальные архивы XIV-XV веков. Ч. 1. М., 1948. С. 27; Тихомиров М.Н. Средневековая Москва ... С. 198. Прим. 1; Кучкин В.А. «Свой дядя» завещания Симеона Гордого // История СССР. 1988. № 43. С. 152).

⁶⁵ Кучкин В.А. «Свой дядя» завещания Симеона Гордого. С. 149-158.; Он же. Дмитрий Донской // Вопросы истории. 1995. № 5-6. С. 63.

⁶⁶ Кучкин В.А. Автограф... С. 26.

⁶⁷ Об участии Тимофея Васильевича и других Вельяминовых в походе на Дон против Мамаю см.: Бескровный Л.Г. Куликовская битва // Куликовская битва. М., 1980. С. 44-47, 57; Скрынников Р.Г. Куликовская битва. Проблемы изучения // Куликовская битва в истории и культуре нашей Родины (Материалы юбилейной научной конференции). М., 1983. С. 64, 65.

⁶⁸ Специально о наместничестве М.В.Вельяминова в Коломне см.: Мазуров А.Б. Средневековая Коломна в XIV - первой трети XVI в. Комплексное исследование региональных аспектов становления единого Русского государства. М., 2001. С. 118, 119, 129-131, 154-157.

⁶⁹ Зимин А.А. Указ. соч. С. 157-160.

⁷⁰ Юрием он именуется в родословцах, а в официальном разряде Куликовской битвы (составленном много позднее самого события на основании летописных и иных данных) - Федором, причем там он назван одним из воевод полка Правой руки. Эту путаницу констатировал, но не смог полностью разъяснить Г.М.Вельяминов (Вельяминов Г.М. Род Вельяминовых... С. 13, 15, 45).

⁷¹ Зимин А.А. Указ. соч. С. 160, 161.

Опубликована:

Сборник №1. Аксаковы и Калужский край: Исследования, материалы. – СПб.: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2009. – С.19-43.